

Страницы военных лет

ЭПИТАФИЯ

МОРОЗНЫМ январским вечером 1942 года в кабинет начальника Главного политического управления Красной Армии Александра Сергеевича Щербакова вошел драматург Владимир Соловьев. Он только что закончил сценарий фильма о Кутузове и явился, чтобы доложить о выполнении задания.

— Я не могу считать вашу работу законченной, — внимательно просматривая сценарий, медленно, как бы в раздумье, проговорил Щербаков.

Драматург, волнуясь, вопросительно взглянул на Щербакова.

— Да, да, Владимир Александрович, вы еще не исчерпали этой темы, — сказал, оживившись, Щербаков и после короткой паузы, пристально глядя на драматурга, продолжал: — Вот погодите, возьмем Бунцлау, и вы должны будете сделать надпись на могиле, где похоронено сердце Кутузова...

— Бунцлау?! — непроизвольно воскликнул ошеломленный Соловьев.

Последние слова Щербакова не могли не показаться драматургу слишком смелыми: оккупирована огромная территория страны, фашисты рвутся к Сталинграду, а этот спокойный, усталый человек толкует о Бунцлау — городе, расположенном в центре Германии, в двух тысячах километров к западу от Москвы...

Прошло три года...

Однажды вечером Соловьев включил приемник. «Войска Красной Армии взяли город Бунцлау», — услышал он. И в праздничном грохоте орудий, в ослепительных вспышках салюта перед ним возникла январская затемненная Москва — сугробы снега на улицах, синий свет автомобильных фар, большой, неярно освещенный кабинет Щербакова, и он снова услышал уверенные слова: «Вот погодите, возьмем Бунцлау, и вы должны будете сделать надпись на могиле, где похоронено сердце Кутузова».

Утром раздался телефонный звонок помощника Щербакова:

— Александр Сергеевич тяжело болен, но он поручил мне узнать, не забыли ли вы свой разговор с ним о Бунцлау? Завтра пойдите в редакцию «Красной звезды» и возьмите там заготовленную для вас командировку...

На следующий день драматург находился уже на борту военного транспортного самолета, летевшего в Германию.

Владимир Соловьев пробыл в Бунцлау немногим более двух недель. Он ходил по улицам маленького силезского городка, обдумывая эпитафию. Он писал, переделывал, рвал написанное и начинал все сызнова. Двенадцать дней он работал над двенадцатью строками. Наконец надпись была готова. А несколько дней спустя взору многих тысяч воинов, пришедших к могиле Кутузова и заставших в торжественном молчании, открылась белая мраморная доска, на которой золотыми буквами были высечены такие строки:

«Среди чужих равнин, ведя на
подвиг правый
Суровый строй полков своих —
Ты этот памятник бессмертной
русской славы
На сердце собственном
воздвиг...
Но не умолкло сердце
полководца,
И в грозный час оно зовет на
бой...
Оно живет и мужественно
бьется
В сынах Отечества, спасенного
тобой!
И ныне, проходя по боевому
следу
Твоих знамен, пронесшихся
в дыму,
Знамена собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему!».

ЭКСПРОМТ

ОСЕНЬ 1942 года, студия Радиокomiteта, поздний вечер. Только что окончились радиопередачи, и Василий Иванович Качалов, выступавший в последней программе с чтением стихов, вышел на улицу.

Качалов шел, направляясь к Никитским воротам. Он был в шубе, глубоких галошах и высокой наракулевой шапке. Василий Иванович шел медленно, слегка опираясь на массивную палку. Рядом шагала диктор Радиокomiteта Всеволод Шевцов.

На улице пустынно и тихо. Изредка в непроглядной тьме молчаливой тени промелькнет прохожий или медленно проедет автомашина с синими маскировочными фарами.

У Никитских ворот Качалова и Шевцова остановил комендантский патруль:

— Ваши пропуска!

Шевцов предъявил пропуск.

— А у вас?

Качалов неловко замаялся.

— Это знаменитый артист — Василий Иванович Качалов, — послешил на выручку Шевцов. — У него нет пропуска... Пропустите его, пожалуйста... Он живет совсем рядом, вот здесь, в Брюсовском переулке...

Тонкий луч карманного фонаря скользнул по лицам и на мгновение остановился на лице Качалова.

— Я не знаю товарища Качалова в лицо, — смущенно признался офицер.

Качалов усмехнулся и заговорил — заговорил неожиданно стихами:

...Москва, Москва!.. Люблю тебя,
как сын,
Как русский, — сильно,
пламенно и нежно.
Люблю священный блеск твоих
седи
И этот Кремль зубчатый,
безмятежный...

Качалов читал бессмертные лермонтовские строки, читал своим удивительным голосом — беспредельно красивым, глубоким, покоряющим. Он читал в тревожной тишине военной ночи, и потому впечатление было необыкновенно и ошеломляюще.

Василий Иванович окончил чтение так же неожиданно, как начал.

— Проходите, товарищ Качалов! — дрогнувшим голосом сказал офицер и взял под козырек...

1961 ИЮН

Московская правда
г. Москва